

цам стоило много труда и времени, чтобы убедить новгородцев отвешивать им воск на немецкий лад, т. е. постепенным снятием гирь с чаши. Далее в этой статье ганзейские купцы устанавливали штраф в 5 марок серебром для тех своих товарищей, которые будут мириться с тем, что новгородский весовщик им будет недоувешивать.⁴⁸ Как мы видим, здесь нет и речи о «языке на товар», т. е. взвешивании с походом, здесь только стремление к тому, чтобы весовщик взвешивал точно.

Известна попытка ганзейцев добиться в Новгороде в 1476 г. взвешивания с походом. Это происходило уже тогда, когда Великий Новгород потерял свою самостоятельность и был включен в состав Русского централизованного государства. Ганзейцы ссылались в своей грамоте на «старину», что якобы такой порядок взвешивания раньше был обычным для Новгорода и будто бы он является обычным и сейчас во всех «добрых городах».⁴⁹ Результатов это домогательство ганзейцев не имело.

Подведем итоги. Весоизмерительные приборы за время средневековой торговли Новгорода и Полоцка с Западом прошли путь развития от примитивного бисмара до скальв. Новгород, обладавший высокоразвитым ремеслом, никогда не нуждался, в противоположность Полоцку, в получении весов из-за рубежа. Прогрессивная замена пуда на скальвы была начата в Новгороде. Новгород же имел свою традиционную технику и боролся против навязывания ему ганзейцами выгодных им архаических приемов измерения товаров.

Н. Ф. КОТЛЯР

ЕЩЕ РАЗ О «БЕЗМОНЕТНОМ» ПЕРИОДЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ (XII—XIII вв.)

Большую часть XII, XIII и начало XIV в. в истории денежного обращения древней Руси принято называть «безмонетным» периодом. Кажется, в нумизматике нет более дискуссионного раздела, чем «безмонетный» период. Он был характерен не только для европейской части СССР, но и для территории Польши, Чехословакии и ряда других европейских стран.

Вплоть до настоящего времени нет ясности относительно хронологии и даже причин наступления этого странного с позиций истории и политэкономии периода в истории денежного обращения. На I Международном конгрессе славянской археологии, проходившем в Варшаве в сентябре 1965 г., одним из главных сюжетов обсуждения на заседаниях нумизматической секции был именно «безмонетный» период, точнее, проблема заменителей ме-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Hanserezesse. 2 Abt. Bd. VII, N 362.

таллических денег в то время.¹ Оживленная дискуссия закончилась безрезультатно, по-видимому, из-за того, что состояние источников для изучения данной проблемы оставляет желать много лучшего.

Изложенные далее соображения относительно «безмонетного» периода сделаны на нумизматическом и письменном материале в основном Южной Руси, главным образом той ее части, которая ныне ограничена территорией Украинской ССР. Наши наблюдения и выводы поэтому относятся почти исключительно к южнорусским землям и не распространяются на всю территорию древней Руси. Процессы феодальной раздробленности чрезвычайно ослабили единство денежного обращения древнерусских земель, да и всей экономической жизни, но не разорвали полностью экономических контактов между русскими Севером и Югом. Вот почему нам кажется, что соображения о «безмонетном» периоде, касающиеся главным образом Южной Руси, могут заинтересовать исследователей денежного обращения и экономической истории других древнерусских земель XII—XIII в.

Сам термин «безмонетный» период не следует понимать слишком буквально. Как справедливо заметил И. Г. Спасский, этот термин означает лишь, что в отечественном монетном деле существовал перерыв в триста с лишним лет — от прекращения чеканки сребреников в начале XI в. до восстановления монетной эмиссии на Руси во второй половине XIV в.² К тому же нумизматические источники свидетельствуют, что в XII—XIII вв. на южнорусском рынке находилось определенное количество монет.³ Какую роль в обращении играли они? На этот вопрос мы и попробуем ответить.

Началом «безмонетного» периода на Руси нумизматы считают время окончания притока западноевропейских денариев на нынешнюю территорию СССР. Н. П. Бауер полагал, что поступление денариев на Русь прекратилось в 20-х годах XII в.⁴ В. Л. Янин и вслед за ним В. М. Потин думают, что этот процесс угас в самом начале XII в.⁵ Однако первый из них утверждает, что обращение денариев на Руси тогда же и прекратилось, второй же продолжает его вплоть до конца XII в.

Выводы упомянутых исследователей имеют силу лишь для Северной Руси, но не для территории, которую мы исследуем.

¹ I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, t. VI. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1968, s. 188—245.

² И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система. Л., 1970, стр. 62.

³ См. об этом нашу книгу «Грошовий обіг на території України доби феодалізму» (Київ, 1971, стор. 47—62).

⁴ N. B a u e r. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10, стр. 239—241.

⁵ В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 184; В. М. П о т и н. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, стр. 73.

Известно, что участие западноевропейских денариев в обращении Южной Руси было минимальным, почти все находки этих монет там случайны.⁶ Не играли сколько-нибудь заметной роли на южнорусском рынке и византийские монеты, золотые солиды и серебряные милиарисии. Поэтому на основании самих лишь монетных кладов (датированных по младшим монетам кладов) мы могли бы утверждать, что *интенсивное* монетное обращение в Южной Руси прекратилось еще в начале XI в., когда исчерпался ранее могучий приток арабских монет — куфических дирхемов.

Относительно причин своеобразного «отказа» древнерусского денежного хозяйства от монет не существует единого мнения, хотя этой проблемы в той или иной степени касались почти все нумизматы, изучавшие обращение монетных гривен на Руси. Как известно, гривны были одним из основных средств обращения в «безмонетный» период.

В. Л. Янин пришел к выводу, что появление монетных слитков-гривен непосредственно не связано с исчезновением монеты из обращения. Ведь слитки, правда в меньшем количестве, чем в «безмонетный» период, встречаются в древнерусских кладах, «датируемых первой половиной IX в. и позже». Поэтому причину возникновения обращения слитков следует искать в самих функциях этих средств платежа. «Массовое распространение их в безмонетный период, — пишет ученый, — можно отчасти объяснить их легкой и более экономичной обратимостью из денежной сферы в ремесленную».⁷

В одной из работ последнего времени В. Л. Янин лаконично сформулировал свою точку зрения на причины наступления «безмонетного» периода, заявив, что не Русь отказалась от принятия арабской монеты, а сам Восток уже ничего не мог дать Руси.⁸ (Одна из основных причин прекращения притока куфического дирхема в Европу состояла, как известно, в том, что серебряные рудники в странах Арабского халифата к концу X в. иссякли).

И. Г. Спасский о монетных гривнах думает, что подобная форма денег свидетельствует о «концентрации богатства в руках правящей верхушки в ту пору и о возникновении в условиях феодальной организации общественного производства особых форм производственных отношений и обмена».⁹

О каких же особых формах обмена идет речь? Ведь понятно, что монетные гривны, массивные слитки серебра весом 100—200 г, не могли полностью заменить чеканную монету в сфере обращения, особенно в повседневных, мелких операциях купли-продажи. Большинство исследователей отдавало себе отчет в том, что в обращении Южной Руси (в отличие от Северной) и в «без-

⁶ См.: В. Л. Янин. Денежно-весовые системы, стр. 153—154.

⁷ Там же, стр. 182—183.

⁸ В. Л. Янин. Деньги и денежные системы. В кн.: Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. I. М., 1970, стр. 318.

⁹ И. Г. Спасский. Русская монетная система, стр. 62—63.

монетный» период оставались какие-то монеты. Однако до настоящего времени думали, что этих монет было слишком мало для того, чтобы играть хоть сколько-нибудь заметную роль в обращении. Нумизматы сошлись на том, что на внутреннем рынке русских земель в «безмонетный» период чеканную монету заменили какие-то стандартизованные товары.

В нумизматической литературе прошлого была распространена теория «меховых» денег, в соответствии с которой в «безмонетный» период на рынке вместо металлических денег употреблялись шкурки пушных зверей.¹⁰ Часть исследователей считает даже, что в XII—XIII вв. существовали «кожаные» деньги — кусочки кожи с государственными клеймами.¹¹

На первый взгляд обе гипотезы находят подтверждение в терминологии древнерусских источников. В них часто упоминаются куны, веверицы, мордки, ногаты, резаны, в которых легко увидеть названия различных зверей и частей их шкур (куна — куница, веверица — белка, мордка — головка животного, ногата — шкурка с ногами, резана — кусочек шкуры). Однако теория «меховых» денег, на наш взгляд, не выдерживает серьезной критики: они могли лишь временно исполнять функции денег, в частности на крупных международных рынках, но, как справедливо заметил В. Л. Янин, использование пушнины в качестве средства обращения могло быть только эпизодическим вследствие ее непрочности. В процессе обращения шкурки неминуемо изнашивались бы, падали в цене, поэтому не могло быть стандартной оценки их стоимости, а без подобной стандартизации какие-либо постоянные денежные системы невозможны.¹² Ведь истертая шкурка превращается, по существу, в кредитный знак, а кредитные деньги не могли существовать в раннефеодальном обществе Руси. Полностью кредитными были бы, конечно, «кожаные» деньги, которым также не могло быть места на древнерусском рынке.

Недаром М. П. Погодин решительно выступил против одобренной самим Н. М. Карамзиным теории «кожаных» денег, заявив: «Куна — деньги, это мы видели... и в первом периоде Русской истории, и в настоящем (XII—XIII вв., — *Н. К.*), но ни там, ни здесь не встречается в летописях, ни в других источниках никакого следа думать, чтоб под словом куны разумелись, кожаные деньги».¹³

¹⁰ См.: И. П. Бекетов. Краткое обозрение древних ходячих монет под названием кун, бывших в употреблении в России. Труды и летописи Общества истории и древностей российских, т. VI, 1883; С. А. Усов. Заметка о древних русских деньгах по Русской Правде. Древности, т. IX, вып. II—III, М., 1883.

¹¹ П. Г. Заостровцев. Из истории денег и денежного обращения в России до XV в. Автореф. канд. дисс., Л., 1949.

¹² В. Л. Янин. Денежно-весовые системы, стр. 187.

¹³ М. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. 7. М., 1856, стр. 326.

Недавно к изучению « меховых » и « кожаных » денег вновь обратился В. Л. Янин. Он отметил, что пушнина могла исполнять функции денег в промысловых районах и на крупных международных рынках, вроде Новгорода; однако, в отличие от приведенного выше его утверждения относительно лишь эпизодического использования пушнины как средства обращения, не сделал этого ограничения, а слова ученого о том, что на упомянутых рынках пушнине был обеспечен постоянный спрос со стороны иностранцев,¹⁴ наводят на мысль, что В. Л. Янин ныне видит в меховых товаро-деньгах более универсальное средство платежа, нежели он думал ранее. Мы согласны с исследователем в отношении того, что меха могли время от времени выступать в качестве денег, но отрицаем саму возможность сколько-нибудь длительного выполнения той или иной шкуркой белки, куницы и пр. функций средства обращения. Это были лишь эпизоды, ведь переходить из рук в руки шкурки могли лишь до тех пор, пока заметно не теряли товарного вида. Если монета способна принимать участие в операциях купли-продажи многие сотни и даже тысячи раз, то шкурка могла исполнять эту роль, наверное, не более нескольких десятков раз.

В. Л. Янин заново рассмотрел сообщение арабского путешественника ал-Гарнати, побывавшего на Руси в начале 50-х годов XII в., о существовании кредитных денег на древнерусских землях. Уже давно археолог А. Л. Монгайт тщетно стремится доказать на основании этого источника факт бытования « кожаных » денег на Руси.¹⁵ Попутно отметим, что историческая наука скептически относится к рассказам многочисленных арабских путешественников и купцов, посещавших Европу в средневековье. Они обыкновенно считали себя обязанными (в соответствии с литературной традицией своего времени) снабдить рассказ о виденном различными невероятными подробностями, поэтому в их записках правда настолько прочно и причудливо переплелась с выдумкой, что современному исследователю надлежит быть чрезвычайно осторожным при использовании данной группы источников.

По сообщениям ал-Гарнати, древние русы скрепляли 18 совершенно истертых (без шерсти) шкурок белки черной свинцовой печатью с изображением царя или царства, и такая связка шкурок заменяла (!) серебряный дирхем. На эти деньги, если верить ал-Гарнати, русские продавали и покупали различные товары. Правда, арабский путешественник не уточнил, где именно видел он « кожаные » деньги — в Северо-Восточной или в Южной Руси.

¹⁴ В. Л. Янин. Деньги и денежные системы, стр. 322.

¹⁵ А. Л. Монгайт. Абу-Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150—1153 гг. История СССР, 1959, № 1. Эту мысль А. Л. Монгайт продолжает отстаивать в комментарии к недавнему изданию упомянутого источника (Путешествие абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., 1971. стр. 110—119).

В. Л. Янин считает это сообщение ал-Гарнати заслуживающим доверия и связывает его с представляющими до настоящего времени загадку пломбами дрогичинского типа. Одновременно ученый предостерегает от соблазна придавать наблюдениям арабского путешественника универсальный характер и распространять их на всю территорию древней Руси «безмонетного» периода. Ведь дрогичинские пломбы находят лишь в отдельных пунктах древней Руси, да и кредит в те времена мог быть очень ограниченным как в территориальном, так и в хронологическом отношении. Поэтому, пишет в заключение В. Л. Янин, бытование условных кожаных денег необходимо рассматривать как одну из форм безмонетного обращения на Руси наряду с такими формами, как ремесленные товар-деньги и товар-меха.¹⁶

Это предостережение ученого от абсолютизации «кожаных» денег важно еще и потому, что отдельные нумизматы, в частности польские исследователи Т. Левицкий и Я. Штетилло, некритически восприняли сообщения ал-Гарнати и других арабских авторов и продолжают защищать гипотезу о бытовании кредитных денег на Руси «безмонетного» периода.¹⁷

С позиций специалистов в области древнерусской сфрагистики толкование В. Л. Яниным известия ал-Гарнати о связках истертых шкурок под пломбами, которые заменяли дирхемы, вполне понятно и выглядит конструктивным. В его свете может быть раскрыто назначение дрогичинских пломб, и поныне остающееся неясным. В то же время у нас возникают сомнения относительно правдоподобности гипотезы ученого, поскольку, как нам кажется, она не вполне соответствует конкретным историко-экономическим обстоятельствам русской действительности середины XII в.

Прежде всего неясно, кто и каким образом изготовлял эти истертые шкурки и какой смысл был в подобной затее — избавлять от волоса меха. Далее, кому была выгодна описанная арабским путешественником операция: пломбирование истертых шкурок и возведение их тем самым в ранг денег. Владельцу шкурок? Ни в коем случае, ведь упомянутая операция стоила бы ему по меньшей мере тот самый дирхем, к которому приравнивали по стоимости истертые шкурки (если не больше). Князю, т. е. государству? Нет, ибо это было хлопотным делом и создавало опасность злоупотреблений: неминуемо возникло бы незаконное пломбирование. Ведь подделать такую примитивную, грубо сделанную из мягкого свинца вещь, какую представляет собой дрогичинская пломба, несравненно легче, чем изготовленный из более твердого серебра куфический дирхем с его легендами изысканных начертаний, правильным кружком, высокой техникой чеканки и т. п.

¹⁶ В. Л. Янин. Деньги и денежные системы, стр. 323—324.

¹⁷ См.: J. Sztetyłło. Problematyka pieniądza pozakruszcowego w Czechach, na Rusi i w Polsce w średniowieczu. W ks.: I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, t. VI, s. 198—204.

С точки зрения княжеской власти, как нам кажется, вместо монет лучше было использовать не связки шкурок, а товаро-деньги, которые по крайней мере обладали реальной стоимостью. Кредитные же деньги, которыми, по существу, были истертые шкурки ал-Гарнати, могли существовать лишь в хорошо организованном, с централизованной властью и развитым финансовым аппаратом государстве, на которое уж никак не была похожа Русь середины XII в., неуклонно погружавшаяся в трясину феодалной раздробленности.

Ведь чеканка отечественной монеты на Руси XII—XIII вв. отсутствовала вовсе не из-за недостатка серебра: в стране были накоплены поистине огромные запасы этого металла, о чем можно в какой-то мере судить по многочисленным и крупным кладам монетных слитков, дошедших до нас от тех времен. Чеканке собственной монеты на древнерусских землях препятствовали не только распыленность больших фондов серебра по мелким сокровищницам и отсутствие экономической замкнутости района, который мог бы завести собственную монету (факторы, на которые справедливо указывает В. Л. Янин¹⁸), но и слабость княжеской власти на Руси, неспособность княжеской администрации влиять на денежный рынок. Скромное по объему и недолгое производство сребреников конца X—начала XI в. продемонстрировало отсутствие на Руси экономических и политических предпосылок для монетной чеканки. А ведь в X—первой половине XI в. Русь была намного более монолитной в политическом и экономическом отношениях, чем в XII и особенно в XIII в.

Абсолютное большинство нумизматов сходится во мнении, что денежное обращение IX—XI вв. на Руси было металлическим и что куна, ногата, резана и другие «меховые» термины представляют собой названия серебряных монет: куфических дирхемов, древнерусских сребреников, а также византийских милиарисиев (для Южной Руси) и западноевропейских денариев (для Северной). «Но куны, резаны и другие платежные единицы XII—XIII вв. все еще остаются для нас загадкой. Как и прежде, куны — деньги, но не металлические монеты».¹⁹ Это утверждение И. Г. Спасского, разделяемое почти всеми исследователями данной проблемы, представляется нам излишне категоричным.

Нумизматической наукой установлено, что для периода до XII в. куна была металлической монетой: сначала куфическим дирхемом, затем русским сребреником и (на Северной Руси) западноевропейским денарием; термин «ногата» (от арабского «нагд») означал хорошую, отборную монету и возник в связи с необходимостью отличать на рынке доброкачественные дирхемы от худших; резана и веверица были фрагментами куны или ногаты.²⁰

¹⁸ В. Л. Янин. Деньги и денежные системы, стр. 319.

¹⁹ И. Г. Спасский. Русская монетная система, стр. 68.

²⁰ Там же, стр. 57.

Не кто иной, как И. Г. Спасский заметил, что в сообщениях обширного круга источников XII—XIII вв. систематически упоминаются вместе слитки серебра и мелкие единицы обращения (куны и векши), но нигде нет даже намеков «на сколько-нибудь условный характер ценности малых единиц»,²¹ что, по нашему мнению, исключает возможность видеть в последних шкурки пушных зверей, не говоря уж о кусочках кожи. Это наблюдение ученого чрезвычайно важно, хотя относится оно не ко всей Руси, а лишь к ее Северо-Западу. Действительно, источники XII—XIII вв. называют куны, ногаты и другие средства платежа в формулах, полностью тождественных записям письменных памятников X—XI вв. Нигде мы не встретим упоминаний о «кожаных» или даже о товаро-деньгах, которые выступали бы в источниках в роли кун, векш, ногат и пр. Чем же в действительности были эти куны, веверицы, ногаты XII—XIII вв., если не монетами? Поскольку, как думали раньше, монет на рынке тогда практически не было, считается, что для упомянутого времени кунами, ногатами и пр. не могли именоваться монеты. Как мы показали выше, ими вряд ли могли быть «меховые» или «кожаные» деньги.

В. Л. Янин указывает на определенные стандартизованные товары, которые способны были заменить монеты в мелких, повседневных платежах, прежде всего на бусины, которые не единожды находили вкладах вместе с монетами, а также на шиферные пряслица. Последние бытуют на южнорусских землях со второй половины X в. и быстро распространяются по всей территории Руси. Они не только встречаются в монетныхкладах, но и ареал их почти полностью совпадает с границами района домонгольского денежного обращения на Руси. К тому же находки пряслиц очень часты.²²

И. Г. Спасский, не возражая против концепции В. Л. Янина, предложил собственный путь решения проблемы платежных средств «безмонетного» периода, правда лишь для русского Северо-Запада. В древнерусском термине «мордка» и латинском «capita margarorum» («головки куниц», при помощи которых в соответствии со свидетельствами иноземцев торговали на Руси XIII в.) он увидел раковины каури, которые неоднократно встречались в археологическом материале Северо-Западной Руси XII—XIII вв. Эти небольшие раковины привозили на Русь с далеких островов Индийского океана. Известно, что в Африке и Азии они на протяжении тысячелетий служили средством купли-продажи. В погребениях псковичей эти раковины занимают место кун-монет; известны даже своеобразные клады каури. Отдельные раковины находили в составе древнерусских кладов кувических и западноевропейских монет. Таким образом, делает вывод ученый,

²¹ Там же, стр. 69.

²² В. Л. Янин. Денежно-весовые системы, стр. 187—189.

есть основание «поставить вопрос о платежной роли каури в безмонетный период денежного обращения Северо-Западной Руси».²³

Не следует, разумеется, искать какого-то единого товара, который мог бы исполнять роль денег в «безмонетный» период. Для подобного единства в разобщенной на отдельные княжества Руси XII—XIII вв. не было оснований. Можно думать, что в различных древнерусских землях одновременно пребывали в обращении различные товаро-деньги: и бусины, и пряслица, и каури, и, быть может, пожи, гвозди и другие широко распространенные, нужные в хозяйстве товары. Польские исследователи, например, установили, что на польских землях XII—XIII вв. такими товаро-деньгами были брусочки соли.

Не нужно забывать, что эпоха феодальной раздробленности, в полную силу давшая себя знать после смерти Владимира Мономаха, ослабила экономические связи между отдельными древнерусскими землями. Да и ареал металлических средств платежа значительно сузился по сравнению с предыдущим периодом. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить взгляд на карту находок крупных платежных средств XII—XIII вв.: обращение монетных гривен на территории Южной Руси ограничивалось Киевской, Переяславской, Черниговской и Волынской землями.²⁴

Мы убеждены в том, что ни «меховые» деньги, ни даже товаро-деньги не могли *полностью* заменить чеканную металлическую монету. Возможно, что первые играли на рынке роль мелкой, разменной монеты наподобие фрагментов куфических дирхемов, которых так много в древнерусских кладах. Примем во внимание, что система гривны—ногаты—куны—резаны, зафиксированная источниками XII—XIII вв., является *многоступенчатой*, следовательно, *слишком сложна для примитивного товарообмена*, даже если в последнем и участвовали стандартизованные товаро-деньги.

Возвращение от развитого денежного обращения со стройной системой номиналов и четким денежным счетом, что мы видим на Руси X—XI вв., к примитивному товарообмену представляет собой регрессивное явление с точки зрения истории и политэкономии и никак не согласуется с процессами социально-экономического развития древнерусских земель, не прекращавшимися и во времена феодальной раздробленности. Поэтому, даже если бы бытование товаро-денег на Руси XII—XIII вв. и было исторически доказанным фактом, они едва ли могли занимать заметное место на древнерусском рынке.

Какие же тогда реальные платежные единицы скрываются за кунями, ногатами и другими нумизматическими терминами письменных источников XII—XIII вв.? Пытаясь ответить на

²³ И. Г. Спасский. Русская монетная система, стр. 70—71.

²⁴ См.: М. Ф. Котляр. Грошовий обіг на території України доби феодалізму, карта № 2.

этот вопрос, мы обращаемся к рассмотрению свидетельств этих источников.

Если *буквально* толковать данные кладового материала, монетное обращение Южной Руси XII—XIII вв. было очень скромным. Оно представлено немногочисленными находками византийских и к концу периода татарских монет. Но верно ли отражают действительное состояние этого обращения клады «безмонетного» периода? Ведь выводы нумизматической науки, в соответствии с которыми каждый клад представляет собой нечто вроде моментальной фотографии современного ему денежного обращения и датируется по младшей монете, построены главным образом на массовом материале кладов развитого и позднего средневековья. Правомерно ли распространять эти выводы на более ранние времена? И если правомерно, то нет ли каких-либо исключений из правила?

При исследовании денежного обращения Галицкой Руси второй половины XIV—начала XV в. мы установили, что в нем не существовало *прямой зависимости* между интенсивностью обращения и количеством монетных кладов, дошедших до нашего времени. Незначительное число кладов в Галицкой Руси свидетельствует отнюдь не о слабо развитом денежном обращении (в действительности оно было очень оживленным), а о существовании широкой системы кредитных отношений, которая препятствовала монетам выпадать в клады.²⁵ Не было ли каких-либо препятствий для тезаврации в XII—XIII вв.? Обратимся к письменным памятникам того времени.

Нас интересуют почти исключительно записи южнорусских летописей и актов, однако мы обратимся также к письменному материалу Северной Руси, и не только для параллелей: процессы феодальной раздробленности ослабили, но не разорвали окончательно экономических (значит, и денежных) контактов между отдельными русскими землями, поэтому нельзя отрицать наличия отдельных общих черт в денежном обращении Южной и Северной Руси XII—XIII вв.

Поскольку монетный рынок Южной Руси не принял западноевропейского денария, а поступление куфического дирхема в Восточную Европу прекратилось в самом начале XI в., в нумизматической литературе установилось мнение, в соответствии с которым «безмонетный» период на южнорусских землях начался в конце XI в. — якобы дирхема могло хватить разве что на сто лет. Поэтому мы обращаемся к записям Киевской летописи и других письменных источников начиная с XII в. — со времени, когда, согласно господствующему в современной нумизматике мнению, металлических денег на Южной Руси не было.

²⁵ М. Ф. Котляр. Галицька Русь у другій половині XIV—першій чверті XV ст. Історико-нумізматичне дослідження, Київ, 1968, стор. 41—44.

Однако под 1115 г. в Киевской летописи помещен полный динамики рассказ о перенесении мощей Бориса и Глеба из деревянной церкви в каменную на Вышгороде. Собралось множество людей, и князь Киевский Владимир Мономах, дабы рассеять толпу, велел «сребреники метати людем, силно налегшим».²⁶ Текст этот не оставляет сомнений в том, что в толпу бросали монеты, конечно не древнерусские сребреники, вышедшие из употребления много лет назад,²⁷ а какие-то ходовые монеты рынка — не иначе как куфические дирхемы. Значит, в начале XII в. металлические деньги были еще в употреблении в Южной Руси. Тем самым можно считать доказанным, что куфические дирхемы удержались в древнерусском обращении более ста лет после того, как прекратился их приток с Востока... А может быть, и еще дольше? Проследуем по страницам источников в последующие годы XII в.

В Киевской летописи под 1160 г. рассказывается о примирении князей Ростислава Михайловича и Святослава Ольговича. При этом первый был вынужден дать другому «соболми, и горностайми, и черными кунами, и песци, и белыми волки, и рыбьими зубы».²⁸ Не следует считать это известие источника аргументом в пользу существования «меховых» денег: просто контрибуция выплачена натурой — мехами и костью, следовательно, в данном случае куны — шкурки куниц.

Но фрагмент той же летописи от 1195 г. свидетельствует, что куны продолжали выступать и в качестве названия денег. В том году Роман Мстиславич Волынский потерял волость, данную ему тестем Рюрикком Ростиславичем, и просил последнего: «А мне любо иную волость в тое место даси, любо кунами даси за нее, во что будет была»²⁹ (т. е. либо кунами (деньгами) уплати стоимость волости). Сравним с процитированным текстом запись летописи 1015 г., т. е. времени, когда кунами, без сомнения, назывались монеты: «Святополк же Оканьпы нача княжити в Кыеве. И созвав люди, нача даяти овем корьзна, а другим кунами, и раздая мпожьство».³⁰ Нетрудно убедиться, что в обоих случаях употребление термина «куна» принципиально одинаково.

В «Слове о полку Игореве», которое датируется большинством советских исследователей 1187 г., сказано, что в случае успеха похода Игоря на половцев русские захватили бы такое множество пленных, что «была бы чага (пленница, — *Н. К.*) по ногате, а кощей (раб, — *Н. К.*) по резане». Мы склонны думать, что здесь имеются в виду металлические деньги: отборные куфические дирхемы и их фрагменты.

²⁶ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871 (далее — Ипат.), стр. 202.

²⁷ К тому же сребрениками древнерусские монеты X—XI вв. называли сами нумизматы.

²⁸ Ипат., стр. 346.

²⁹ Ипат., стр. 460.

³⁰ Ипат., стр. 98.

Когда мы обратимся к записям источников XIII в., то увидим, что и в них термин «куна» употребляется в тех же формулах, что и в XI в. Например, в Киево-Печерском патерике, составленном приблизительно в 20-х годах XIII в., упоминается, что цены на соль очень снизились: «Юже бо прежде драго продаваху (соль, — *Н. К.*), по два головажне за куну, ныне же по 10».³¹ В завещании умершего в 1289 г. волынского князя Владимира Васильковича помещена его купчая на село Березовичи, за которое он дал «50 гривен кун, 5 локоть скарлата да броне дощатые».³² В этом тексте также нет даже намека на условный характер кун, напротив, они как бы противопоставляются товарам.

После смерти Владимира Васильковича Волынь в 1289 г. унаследовал князь Мстислав и сразу же наложил «ловчее» на жителей Берестейской волости «за их коромолу»: «Со ста по две лукне меду, а по две овце, а по пятнадцать десятков лну, а по сту хлебов, а по пяти цебров овса, а по пяти цебров ржи, а по 20 кур, ... а на горожанах 4 гривны кун».³³ Здесь крайне выразительно противопоставляется натуральная плата и плата денежная: с крестьян брали натурой, с горожан — деньгами. Трудно сомневаться, что в данном случае речь идет о монетах, точно так же, как и в записи акта 1291 г.: Лев Данилович Галицкий подарил церкви св. Спаса село Страшевичи и велел крестьянам ей «куны в рок ... давати»³⁴ (конкретная сумма неизвестна). Поэтому мы склонны думать, что в обращении Юго-Западной Руси даже конца XIII в. оставались еще монеты.

Как нам кажется, наличие металлических денег в обращении прослеживается и по источникам некоторых других русских земель XII—XIII вв., в частности Новгородской. Рассматривая церковный устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г., где записана сумма во «сто гривен новых кун», П. Мрочек-Дроздовский резонно заметил, что на гривны могли считать лишь монеты, а не меха, которые на Руси тех времен считали только поштучно (на сорока или сорочки), но не на вес!³⁵ Поэтому во всех случаях, когда в источниках XII—XIII вв. счет кун ведется на гривны, вероятнее всего думать, что речь идет о монетах, а не о мехах.

В летописи Переславля Суздальского за 1213 г. встречаемся с характерной записью: «Он же (Мстислав Мстиславич, — *Н. К.*) възва на них (на Чуди, — *Н. К.*) дань — серебра, и золота, и

³¹ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 108.

³² Ипат., стр. 595.

³³ Ипат., стр. 613.

³⁴ Д. Зубрицкий. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М., 1845, стр. 3.

³⁵ П. Мрочек-Дроздовский. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. Б. м. и б. г., стр. 24.

кун». ³⁶ В процитированном источнике говорится о двух основных видах платежных средств рынка: слитках драгоценного металла (гривнах) и кунах-монетах.

Новгородские и другие северорусские источники (как нарративные, так и актовые) XIII в. сохранили многочисленные свидетельства о кунах, которые в них, как и в памятниках XI—XII вв., различаются на старые («ветхие») и новые. ³⁷ И вновь нет указаний, что под этими кунами следует понимать их заменители: они выступают в контекстах, подобных аналогичным формулам источников X—XI вв.

Чрезвычайно важная грамота 1229 г. (по мнению Н. П. Бауера, которое мы полностью разделяем) свидетельствует, что в первой половине XIII в. под кунами понимали то же, что и в эпоху Русской Правды, поскольку соотношение между гривной кун и гривной серебра (весовой) осталось прежним. В датированном этим годом договоре смоленского князя с немцами сказано: «Оже [у]бьют волного человека, платити за голову 10 гривен серебра, а за гривну серебра — по 4 гривны кунами, или пенязи». ³⁸

Припомним, что равенство гривны серебра (слитка новгородского веса, приблизительно 197 г) четырем гривнам старых кун засвидетельствовано Русской Правдой — источником, который сформировался в XI—XII вв. Это четко показано Н. П. Бауером в его классическом труде «Денежный счет Русской Правды» и признается всеми исследователями. ³⁹

Итак, если не изменилось соотношение между постоянной величиной — гривной серебра — и кунной в XI—XIII вв., то это означает, что стоимость куны оставалась постоянной на протяжении указанного времени. Поэтому наиболее логично считать, что и в XIII в. куна была металлической, более того, что она была тождественна монетам древнерусского денежного обращения XI в.

Следовательно, в XII—XIII вв. в древнерусском обществе могли использоваться монеты. В пользу нашей гипотезы свидетельствуют не только теоретические рассуждения относительно неспособности товаро-денег (будь это пряслица, бусины, каури или даже шкурки пушных зверей) полностью заменить металлические деньги в сфере обращения. Как нам кажется, письменные источники, отдельные известия которых мы привели, говорят о наличии монет на рынке не только Южной, но и части Северной Руси. Впрочем, мы не распространяем наши предположения

³⁶ Цит. по: Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента и денежное обращение в Северо-Западной Руси в XIII в. Проблемы источниковедения, М.—Л., 1940, стр. 179.

³⁷ См.: П. М р о ч е к - Д р о з д о в с к и й. Опыт исследования источников, стр. 24, 25, 149 и др.

³⁸ Н. П. Бауер. Денежный счет в духовной новгородца Климента, тр. 180.

³⁹ См.: В. Л. Я н я н. Деньги и денежные системы, стр. 326.

на все древнерусские земли, далее речь пойдет вновь только о Южной Руси.

Какие же именно монеты употреблялись на южнорусском рынке XII—XIII вв.?

Принято считать, что обращение куфических дирхемов в Южной Руси угасло где-то в конце XI в. Но никто до настоящего времени не провел верхнюю хронологическую границу этого явления, пусть даже приблизительно. Да это и невозможно сделать, поскольку между дирхемами и последующими монетами южнорусского рынка — пражскими грошами — лежит значительный промежуток времени. Ясно, что в подобных случаях несостоятельна датировка кладов по младшей монете, как обыкновенно делается в нумизматике. На южнорусских землях отсутствуют клады, в которых бы встречались вместе куфические дирхемы и пражские гроши, что лишает ученых возможности выяснить, когда из обращения уходят первые и на смену им приходят вторые. Другое дело Северная, в частности Северо-Западная, Русь. Там дирхем сменен денарием, поэтому имеется возможность фундаментально и наглядно проследить процесс выпадения дирхема из обращения. Это отсутствие замены дирхема иной монетой на южнорусских землях делает принципиально отличной картину денежного обращения Южной Руси от денежного рынка Северной в XII—XIII вв.

Вряд ли куфические дирхемы внезапно исчезли из обращения Южной Руси. Более логичным выглядит предположение, что процесс их исчезновения с рынка был постепенным, растянулся на много десятилетий и они находились в обращении еще длительное время после прекращения притока монетного серебра с Востока, подобно тому, как это было с пражскими грошами XIV—начала XV в., которые, если исходить из состава кладов и указаний письменных источников, находились на украинском рынке по крайней мере 180 лет после того, как пришли из Чехии — до конца XVI в. Иначе говоря, процесс выпадения куфических дирхемов из обращения мог охватить не только XI, но и XII, быть может, и XIII в.

Действительно, стратиграфия кладов арабских монет, не говоря уж об отдельных находках, Южной Руси совершенно неясна; много датирующего материала, кроме самих дирхемов, в этих кладах нет. Нам могут сказать, что нельзя продлевать обращение дирхемов на южнорусских землях дольше, чем до конца XI в., поскольку нахождение монеты на рынке в течение нескольких десятилетий, тем более столетий делает ее истертой, поэтому в кладах должно бы содержаться много куфических дирхемов плохой сохранности, чего нумизматы-арабисты вовсе не отмечали.

Учтем, однако, несколько обстоятельств. Во-первых, внутренняя торговля Руси в XII—XIII вв. была менее оживленной, чем в последующие столетия, поэтому монета переходила из рук

в руки за один и тот же промежуток времени меньшее число раз, чем к примеру в XV в., тем более в XVII в., следовательно, темпы ее истирания должны были быть замедленными. Во-вторых, и это главное, денежное обращение Южной Руси XII—XIII вв. носило кризисный характер: монетная масса рынка не пополнялась, монета находилась в обращении до полного истирания, до потери товарного вида, т. е. до выхода из строя. Тогда она превращалась в небольшой слиток серебра круглой формы и была пригодна разве что для отливания гривен да изготовления украшений.

Понятно поэтому, что куфические дирхемы (или их редкие спутники на южнорусском рынке — византийские миллиарсии), которые вследствие истертости переставали быть монетами, попадали не в клады, а в тигли монетариев или ювелиров. В связи с этим, как нам кажется, в кладах куфических дирхемов XII—XIII вв. и не могло быть очень истертых монет.

Думается, что часть кладов куфических дирхемов и других (менее многочисленных) монет южнорусского рынка, которые принято датировать ныне по младшим монетам X и XI вв., можно благодаря свидетельствам письменных источников отнести к XII и даже к XIII в. Тем самым мы признаем факт обращения металлических денег на Южной Руси в «безмонетный» период.

Мы уверены, впрочем, что масса дирхемов на рынке Южной Руси в XII—XIII вв. неуклонно уменьшалась вследствие истирания этих монет, а также выпадения их в клады; из-за этого их, вероятно, не хватило до начала проникновения пражских грошей на русские земли (поэтому и нет кладов, в которых бы совместно содержались дирхемы и гроши). Уже поэтому нельзя считать денежное обращение южнорусских земель XII—XIII вв. полностью адекватным обращению предыдущего периода. Монет могло не хватать для нужд торговли. В связи со сказанным мы допускаем, что в XII—XIII вв. население южнорусских земель могло наряду с монетами и монетными гривнами пользоваться товаро-деньгами и, как нам кажется, *фрагментированным серебром*.

Денежное обращение вообще обладает удивительной способностью сохранять реликты предыдущих эпох даже тогда, когда в этом уже отпала экономическая необходимость. Выше упоминалось о пражских грошах XIV—начала XV в., которые удержались на украинском рынке XVI в., тогда как украинское обращение XVI в. основывалось на монете нового образца (литовских и польских полугрошах и грошах), было вполне обеспечено и не испытывало потребности в чешских монетах, которые не укладывались в новую монетную систему. Подобным пережиточным явлением было господство на рынке Левобережной Украины в течение почти ста лет после ее воссоединения с Россией в 1654 г. польской, литовской и западноевропейской монеты, несмотря на отсутствие экономических оснований для ее обращения.

Дело в том, что люди всегда отдавали предпочтение старой, привычной монете перед новой и с недоверием относились к последней. Срок адаптации народа к новым деньгам часто растягивался на многие десятилетия. И для подобного недоверия были серьезные основания. В европейском монетном деле, начиная уже со времен раннего средневековья, происходил процесс неуклонного ухудшения монеты — снижения веса и пробы монетного металла. В этом процессе были свои приливы и отливы, но они не могли повлиять на стремление властителей к порче монеты с целью увеличения прибылей от чеканки денег. Это продолжало жизнь старой монеты в новые для нее времена, ибо новая монета, как правило, была хуже старой.

Во время дискуссии на нумизматической секции I Международного конгресса славянской археологии польская исследовательница М. Дембинская выступила с важным сообщением о пережитках «безмонетного» периода в Польше XIV—XV вв. На материале многочисленных письменных источников она доказала, что не только в XIV, но и в XV в. на польском рынке использовались в качестве денег шкурки белок и кунци, а также бруски соли.⁴⁰ Это выглядит удивительным не только потому, что в Польше «безмонетный» период был не столь глубоким и продолжительным, как на Руси. Главное в ином: польский рынок XIV—XV вв. был хорошо обеспечен монетами местного и чешского производства, чего не скажешь об обращении украинских земель того времени (за исключением Галицкой).

В историческом исследовании, хотя и не часто, прибегают к ретроспективному методу. Мы попробовали пойти этим путем и произвели своеобразную «проекцию» XIV, а затем и XV в. на XII и XIII вв. в области денежного обращения, и это привело к интересным результатам.

При анализе актового материала украинских земель второй половины XIV в. мы обратили внимание на то, что в этих источниках достаточно часто упоминается в качестве средства платежа весовое серебро. Приведем несколько примеров. В 1351 г. в одном из городов Галицкой Руси было куплено дворце за «6 коп грошей веского (весного, т. е. весового, — *Н. К.*) серебра».⁴¹ В 1366 г. в Перемышле продали село с угодьями «за сто гривен весных».⁴² В 1370 г. во Львове усадьба куплена за «6 коп грош весного серебра».⁴³ В 1378 г. в Перемышле имение оценено

⁴⁰ I Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej, t. VI, s. 241—242.

⁴¹ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. СПб., стр. 20. Немногочисленные случаи счета весового серебра на копы (а не на гривны, как обыкновенно) мы склонны объяснять тем, что его приравнивали к ходовым монетам обращения, по сравнению с которыми это средство платежа на Галицкой Руси играло подчиненную роль.

⁴² Українські грамоти, т. I. XIV і перша половина XV ст. Видав В. Розов, Київ, 1928, № 6, стр. 12.

⁴³ Там же, № 9, стр. 18.

в «20 гривен серебра весного», в счет чего дали «15 гривен серебра» да «шюбу куничюю».⁴⁴

Это весовое серебро было не чем иным, как фрагментами серебряных вещей, серебряным ломом, на что указывают, в частности, записи Львовской городской книги за 1383 г.: 1) долг составлял 14 весовых гривен серебра без 5 лотов (лот = $\frac{1}{16}$ гривны, — *Н. К.*); 2) за дом уплатили 10 гривен с 10 лотами серебра⁴⁵ — ясно, что оба раза в дело пошло фрагментированное серебро, ведь целыми вещами нельзя отвесить так точно необходимое количество металла (да и в последнем случае наверняка указали бы, что в счет долга или платы за дом дали серебряную вещь).

Мы не случайно выбрали для иллюстрации нашего тезиса относительно употребления весового фрагментированного серебра вместо монет свидетельства письменных источников именно Галицкой Руси и именно второй половины XIV в.: как раз галицкий рынок того времени в сравнении с рынками других украинских земель был лучше всего обеспечен монетами: наряду с пражскими грошами здесь использовали и монеты местной чеканки. Несмотря на это, давняя традиция использования фрагментированного серебра как средства платежа жила там не только в XIV, но и в XV в., по крайней мере в начале его.

Во Львовской счетной книге 1406 г. мы обнаружили запись, красноречиво свидетельствующую в пользу нашего предположения относительно бытования измельченного серебра на галицком денежном рынке: знатный горожанин Иоганн Зомерштейн признавал, что должен городу «5 гривен и 2.5 лота серебра»⁴⁶ — понятно, что здесь речь идет о фрагментированном металле.

Использование измельченного серебра в качестве денег было, вероятно, настолько распространено еще в начале XV в., что для того, чтобы отличить это средство платежа от монетных гривен (которые продолжали обращаться на украинских землях — еще одно доказательство реликтового характера украинского обращения XIV—начала XV в.), последние пришлось отмечать в актах при помощи термина «литой» в противовес определению «весный». Например, в 1411 г. польский король Владислав Ягайло специальной грамотой подтвердил факт отдачи Покутья (юго-запада Галицкой земли, — *Н. К.*) молдавскому воюводе Александру под залог суммы в «одну тысячу рублей фрязьского (итальянского, — *Н. К.*) серебра... Как ли не будет фрязьского серебра, мы литовские рубли дамы, а (или, — *Н. К.*) любое литое серебро»⁴⁷ (т. е. либо литовские гривны, либо монетные гривны других типов).

⁴⁴ Там же, № 13, стр. 26.

⁴⁵ Najstarsza księga miejska. 1382—1389. Lwów, 1892, s. 13, 15.

⁴⁶ Księga przychodów i rozchodów miasta. 1404—1414. Lwów, 1896, s. 23.

⁴⁷ Українські грамоти, т. I, № 42, стор. 77.

Ни экономической потребностью, ни социальными причинами нельзя объяснить факты использования украинским населением в XIV—XV вв. в качестве средств обращения монетных гривен или особенно фрагментированного серебра. Если гривны еще могли продолжать служить средством крупных платежей (не очень, впрочем, удобным в эпоху быстрого распространения на Украине венгерских и итальянских золотых монет), то не существовало никакой необходимости в кусочках серебра тогда, когда на рынке было немало чеканной монеты. По нашему мнению, здесь может быть единственное объяснение: обе эти категории средств платежа перешли в обращение XIV—XV вв. как реликты «безмонетного» периода. В отношении монетных гривен, кажется, никто не сомневается, что они для XIV—XV вв. — пережиток прошлого. Думается, что не должно быть сомнений и относительно фрагментированного серебра: оно пришло в XIV и XV вв. из XII и XIII вв. В пользу нашего предположения свидетельствует состав вещевых и монетно-вещевых кладов XII—XIII вв., содержащих большое число фрагментированных серебряных вещей.

Итак, на денежном рынке Южной Руси в XII—XIII вв. находилось заметное количество монет, хотя и меньшее, чем в X—XI вв. Но их уже не хватало для потребностей торговли, поэтому наряду с монетами в ежедневных операциях купли-продажи использовалось фрагментированное серебро и, возможно, какие-то стандартизованные товары типа шиферных пряслиц, бусин или брусочков соли. В крупных же торговых сделках место монет заняло «литое» серебро, монетные гривны. Они также были основным средством накопления сокровищ, о чем свидетельствуют богатые клады монетных слитков Южной Руси XII и XIII вв.

Ю. М. КРИТСКИЙ и А. Л. ШАПИРО

АТЛАСЫ XVIII—НАЧАЛА XX в. ПО ИСТОРИИ РОССИИ

История без географии слепа. Это понимали и русские историки, и географы первой половины XVIII в. — времени, когда историческая наука эмансипировалась от церкви. Выдающийся русский географ и картограф И. К. Кирилов намеревался включить исторические и экономические карты в третий том «Атласа Всероссийской империи», однако этот замысел не был осуществлен.¹

Зарождение исторической географии в России как специальной дисциплины связано с именем В. Н. Татищева (1686—

¹ К. Свенске. Материалы для составления атласа Российской империи, изданного Академией наук в 1745 г. Зап. Академии наук, т. IX, СПб., 1886, стр. 25; М. Г. Новлянская. Иван Кирилович Кирилов. Географ XVIII века. М.—Л., 1964, стр. 52.